

ВЛАДИМИР РАФАИЛОВИЧ КАБО
(07.02.1925–04.06.2009)

4 июня 2009 г. в Канберре на 85-м году жизни умер выдающийся ученый – Владимир Рафаилович Кабо. Он был этнографом и историком культуры, человеком всесторонне образованным, хранителем и продолжателем лучших интеллектуальных и нравственных традиций российской интеллигенции.

В.Р. Кабо родился в Москве 7 февраля 1925 г. в семье глубоко интеллигентных людей – Рафаила Михайловича и Елены Иосифовны Кабо. Р.М. Кабо был крупным специалистом по экономической географии, Е.И. Кабо внесла немалый вклад в статистическую науку, создавала вместе с группой энтузиастов советскую статистику труда. Дети в этой семье росли в атмосфере старинного, пусть и стесненного московской коммуналкой, уюта, интеллектуального эстетизма и образованности. Все начиналось, писал Владимир Рафаилович в своей автобиографической книге*, «...с библиотеки отца. Не было в детстве большего удовольствия, как забиться в угол дивана в отцовском кабинете и рассматривать иллюстрации в тяжелых книгах в кожаных переплетах: “Земля и жизнь” и “Народоведение” Ратцеля, “Вселенная и человечество” Крэмера, “Человек и земля” Элизе Реклю, книги из серии “Всемирная география” – Африка, Азия, Австралия и Океания и многие, многие другие. Они и сейчас стоят на книжных полках моей квартиры в далекой Москве. Старые гравюры, природа и люди далеких южных стран, романтика путешествий – все это захватило меня». И все же к этнографической науке В.Р. Кабо пришел, лишь пройдя через иные увлечения и тяжелые жизненные испытания.

В семье царил культ художественной литературы, поэзии, классической музыки, изобразительного искусства. Старшая дочь – Любовь Рафаиловна Кабо – стала известной советской писательницей. Владимир Рафаилович в юности тоже мечтал о литературной стезе, занимался в литературной студии Московского дома пионеров у блестящих педагогов вместе со многими талантливыми подростками. Но судьба распорядилась иначе.

Его родители участвовали в революционном движении, отец был видным представителем меньшевизма. В сталинскую эпоху они абсолютно отстранились от политической деятельности и весьма трезво оценивали происходящее в стране. Их семейная жизнь, как вспоминал сам Владимир Рафаилович, всегда омрачалась ожиданием беды, многие годы боялись ареста отца. Однако это несчастье настигло сына.

* Дорога в Австралию. Воспоминания. N.Y.: Effect Publishing Inc, 1995; 2-е перераб. изд. М.: Восточная литература, 2008.

В 1943 г. В.Р. Кабо был призван на войну и вскоре оказался в действующих войсках в батальоне противотанковых ружей – неуклюжих и громадной тяжести огнестрельных приспособлений, с которыми пешие солдаты, неся их по двое, ходили в бой против танков. Затем попал в артиллерийские войска. Пережитое им, хрупким невысоким еврейским юношей из среды рафинированных интеллигентов, в советской армии впечатляюще описано в его автобиографической книге. Он прошел всю войну и заслужил славный солдатский Орден Красной Звезды. Многие сотрудники ИЭА РАН помнят фотографию Владимира Рафаиловича, висевшую на стенде среди портретов других наших ученых, участвовавших в Великой Отечественной войне. Юное лицо с большими светлыми глазами, пилотка, гимнастерка и этот орден на груди. Владимир Рафаилович им очень гордился.

Вернувшись с войны, В.Р. Кабо вынашивал честолюбивые мысли о дипломатической карьере, но по совету отца поступил учиться на исторической факультет МГУ и начал специализироваться по истории культуры дореволюционной России. В 1949 г. – после окончания четвертого курса – он был арестован и осужден на 10 лет лагерей строгого режима. Тогда и ему и его близким казалось: на всю жизнь. Они много думали о том, что послужило причиной этого ареста – клеветнический ли донос приятеля – Сергея Хмельницкого, – смелое ли выступление на публичном собрании в защиту обвиненного в идеологических ошибках профессора Н.Л. Рубинштейна, глупая ли и безобидная песенка, петья в экспедиции, репутация ли отца. Скорее всего, и то, и другое, и третье, и четвертое, хотя в те годы подобное могло произойти без всяких объективных причин.

Пять лет в ГУЛАГе в Архангельской обл. (Каргопольлаг) не только были тяжелейшим испытанием и опечатались глубокой психологической травмой, но и дали огромный духовный опыт и неожиданный интеллектуальный багаж. Там Владимир Рафаилович узнал или встретил вновь людей, оказавших глубокое влияние на его личность, нравственные убеждения, научные устремления. Среди этих людей были Григорий Померанц, Елеазар Мелетинский, отец Иоанн Крестьянкин и многие, многие другие. О них всех проникновенно написано в книге “Дорога в Австралию”. Именно там, в сталинском лагере, сформировался глубокий интерес В.Р. Кабо к истокам человеческой культуры и ее многообразию, к корням общечеловеческой духовности, к происхождению и развитию различных религиозных верований. Тогда же возникла и сложилась искренняя православная религиозность самого В.Р. Кабо, которую он свято таил в себе, трепетно оберегал от посторонних взглядов во все времена – и во времена гонений на православие и во времена, казалось бы, полной свободы совести, когда открытые проявления религиозности стали порой граничить с амбициозным ее афишированием.

Там же в лагерной жизни закалился его характер, пришли мужество, умение сохранять бодрость духа и надежду на лучшие времена в самых тяжелых обстоятельствах; выработалась стойкая привычка к систематическому интеллектуальному труду, развились сила духа и уникальное упорство.

Вернувшись из заключения (досрочное освобождение по амнистии) в 1954 г., В.Р. Кабо продолжил обучение на истфаке МГУ, но уже по кафедре этнографии. Его руководителем был С.А. Токарев, направивший его научные интересы на этнографию Океании и Австралии. И это тоже оказалось судьбоносным.

Культура аборигенов Австралии, папуасов Новой Гвинеи и других народов Меланезии тогда представлялась самым благодатным полем изысканий для того, кто интересовался истоками культуры человечества в целом. В научном творчестве В.Р. Кабо прослеживается четкая логика, целеустремленная, тщательно продуманная последовательность.

Сначала он написал небольшую работу о жителях Новой Британии – байнингах, а затем обратился к скрупулезному изучению материальной культуры коренных австралийцев. Исследовал и описал каменные орудия из коллекции А.Л. Яценко, хранившейся в МАЭ в Ленинграде. Это была его дипломная работа. Когда ему не нашлось места в московской части Института этнографии АН СССР, он уехал работать в ленинградский филиал этого института. Там он написал большую монографию о каменных орудиях австралийцев, основанную как на музейных источниках, так и на обширной литературе. Это была его кандидатская диссертация (1962). Затем последовали две крупные книги – “Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии” (1969, на ее основе была защищена докторская диссертация) и “Тасманийцы и тасманийская проблема” (1975). Обе они, особенно первая, являются собой уникальные примеры вестороннего и крайне добросовестного, доходящего порой до педантичной дотошности, анализа фактического материала, сочетающегося с оригинальностью, но в то же время с взвешенностью, ос-

торожностью выводов. Эти книги, хотя и опубликованные только на русском языке, принесли В.Р. Кабо международную известность и получили высокую оценку коллег за рубежом, в особенности в Австралии. Позднее, в 1978 г., Президиум Академии наук присудил Владимиру Рафаиловичу премию им. Н.Н. Миклухо-Маклая за эти книги.

В последующие годы он обратился к изучению социальной организации и духовной культуры бесписьменных обществ, включив в круг своих аналитических интересов, помимо австралийцев, многие другие охотничье-собираТЕЛЬские и некоторые раннеземледельческие народы, в первую очередь океанийские. Особенно пристальное внимание он уделил общинной организации и проблемам реконструкции ранних форм социальной жизни, что нашло отражение в целом ряде крупных публикаций. Он также увлеченно работал над проблемами первобытного изобразительного искусства, развивая идею синкретизма первобытной духовной культуры. Одним из самых плодотворных его начинаний этого периода явились три небольшие, но крайне содержательные и весьма убедительно аргументированные работы о широкой культурной общности древнего населения побережий Тихого океана (все три опубликованы в 1975 г.). В немалой мере они, очевидно, были вдохновлены экспедицией на Сахалин, которую Владимир Рафаилович совершил в 1974 г.

В 1977 г. В.Р. Кабо, пережив семейную трагедию – безвременную смерть первой жены, Валентины Кабо, – после почти 20-летнего отсутствия вернулся вместе с дочерью, Еленой Кабо, в Москву, где ему удалось получить работу в Институте этнографии АН СССР, в секторе истории первобытного общества. К этому он стремился многие годы. Главным итогом московского периода его научной деятельности стала фундаментальная монография “Первобытная доземледельческая община” (1986), в которой широчайший круг материалов по изученным этнографически австралийским, африканским, азиатским и американским охотникам и собирателям был сопоставлен с археологическими данными из обширных географических ареалов. Параллельно он работал над книгой о происхождении и ранней истории религий, которая вышла в свет уже в другой, австралийский, период его жизни.

Плодотворная и в целом весьма успешная научная деятельность В.Р. Кабо в Ленинграде и в Москве постоянно омрачалась двумя обстоятельствами. Идеологически нагруженными дискуссиями с коллегами, в которых он сплошь и рядом оказывался в положении отступника от марксистских позиций, а также отсутствием возможности путешествовать, видеть свет за пределами нашей страны. С ранних лет он страстно мечтал о дальних краях, о Западной Европе, Америке, экзотической Азии, в особенности же об Австралии и Океании. Но его не пускали дальше Болгарии, ГДР, Чехословакии, Венгрии и Монголии. Шлейф сталинских лагерей (незвизирая на официальную реабилитацию) и репутация идеологического фрондера от науки (на деле же простая научная честность, независимость и открытость убеждений) вели к тому, что представители известных инстанций неизменно вычеркивали его имя из списков ученых, которые должны были ехать на ту или иную международную конференцию, проводившуюся за границей, или в экспедицию, направлявшуюся в экзотические страны. Это навсегда оставило горький осадок в его душе. Самым драматичным, наверное, было отстранение его, подлинного знатока этнографии Океании, от двух экспедиций в этот островной мир, в том числе и на Новую Гвинею. И это притом, что в состав экспедиций были включены коллеги, вовсе прежде не изучавшие океанскую этнографию.

Когда в конце 1980-х – начале 1990-х открылись шлюзы, В.Р. Кабо оказался участником целого ряда крупных международных конференций, проводившихся в Европе и США. Там он встретился с австралийскими коллегами, которые знали его публикации и переписывались с ним. Австралийские коллеги организовали в 1990 г. четырехмесячный визит в Австралию для В.Р. Кабо и его второй жены, Елены Говор. Эта цветущая, светлая и радостная страна очаровала их, Е.В. Говор удалось поступить в аспирантуру Австралийского национального университета, и они приняли решение об эмиграции. В немалой мере оно было подкреплено тяжелыми воспоминаниями о советском прошлом Владимира Рафаиловича.

Пережив немало трудностей, ждущих любых эмигрантов, чета Кабо и Говор обосновалась в прелестном домике в одном из лучших районов Канберры. В 1992 г. у них родился сын, Ральфи Кабо, ставший залогом их семейного счастья.

Оказавшись в Австралии, В.Р. Кабо был еще полон творческих сил и физического здоровья, он смог объездить всю страну, побывать в поселениях аборигенов, посетить Новую Гвинею, Вануату, Таити, Новую Зеландию, Японию, Китай, Францию, Грецию и множество других уголков Земного Шара, вечно манивших его в прежней жизни.

Он написал и издал (с неизменной помощью Е.В. Говор) множество новых научных статей и книг, как на русском, так и на английском языках. Среди них целый ряд работ по первобытной религии, а также религии, мифологии и изобразительному искусству коренных австралийцев. В их числе весьма оригинальные и неожиданные, даже в некотором роде экстравагантные. Например, “Ванджина и икона. Живопись аборигенов Австралии и русская иконопись” (2001, 2002). Все или почти все написанные им труды размещены на его персональном сайте (<http://aboriginals.elena.id.au> – зеркало <http://aboriginals.narod.ru>), который был и остается интенсивно посещаемым пользователями Интернета, в первую очередь российскими.

До самых последних лет Владимир Рафаилович был верен своей глубокой любви к классической музыке, художественной прозе и поэзии, особенно к русским дореволюционным произведениям; он живо и даже страстно интересовался международной политикой и событиями в России, он писал мемуары, в том числе воспоминания о своих родителях и друзьях, публицистические эссе философского, нравственного и историко-политологического содержания. Словом, жил полноценной семейной, творческой, духовной, интеллектуальной жизнью в стране, о которой мечтал долгие годы. И в этом можно усмотреть руку Провидения, перст Высшей Справедливости, хотя не следует забывать, что и в Земле Обетованной человек не застрахован от бед и горестей.

Владимир Рафаилович писал в уже упоминавшейся автобиографической книге: «Я необыкновенно хорошо чувствую себя под австралийским солнцем, среди эвкалиптов, заменивших мне мой любимый сосновый лес... Австралия пробудила во мне чувства давно не испытанные, затоптанные подлой, нечеловеческой жизнью, московской грязью, навсегда, казалось бы, забытые – чистые ощущения детства, чувство блаженной, безмятежной радости от солнечного дня, запахов земли и деревьев, голосов птиц; чувство, что это – “моя земля”, что здесь, – и, может быть, только здесь, – мне хорошо». Но он в той же книге писал и другое: «...я могу сказать вместе с поэтом: “Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые”. По большому счету я должен быть и, возможно, я действительно счастлив. Откуда же чувство отчаяния, которое порою наплывает на душу посреди тихого, по-детски невинного дня или прозрачного вечера, под созвездием Южного Креста, увидеть которое я стремился так много лет...». Это очень сложное и тонкое чувство, истоки его неуловимы и недоступны никаким определениям. Но были, как кажется, и объективные обстоятельства, омрачавшие жизнь В.Р. Кабо в Австралии.

Пусть он, как и А.А. Галич, не верил “в грусть по березкам”, пусть – по собственному признанию – не скучал о когда-то любимой русской зиме. Но все же он оказался в эмиграции уже в том возрасте, когда ему невозможно было получить официальную работу, сопряженную с любимой профессией. Он плодотворно и упоенно работал дома и в прекрасных австралийских библиотеках, но все же ему не хватало профессиональной научной среды, контактов с коллегами. Ему особенно не хватало общения с людьми той культуры, в которой он сформировался, не хватало непосредственного, дружеского, доверительного, но в то же время квалифицированного и критического, отклика на его творчество. В последние годы жизни он постепенно и неумолимо терял слух и зрение, и это отлучало его от самых любимых радостей – музыки и чтения, душевных разговоров с близкими, хотя он и проявлял высокую стойкость в борьбе с недугами и приступами уныния. Даже пережив тяжелейшую операцию по поводу злокачественной опухоли мозга, он стремился писать и не утратить духовной связи с любимыми людьми.

В то же время следует подчеркнуть, что Владимир Рафаилович был уважаем и известен в профессиональных кругах Австралии. Он был почетным членом Австралийского института по изучению аборигенов Австралии и островитян Торресова пролива, на ряд его работ, напечатанных в Австралии на английском языке, имеются обстоятельные отклики в печати, его неизменно приглашали на важные научные мероприятия, все крупнейшие газеты откликнулись на его смерть некрологами.

В заключение попытаемся концентрированно перечислить те заслуги и достижения В.Р. Кабо, которые он, как представляется, сам хотел бы, чтобы мы более всего ценили, и которые мы, несомненно, ценим и будем ценить.

Это была высокая культура научного поиска, сочетавшая в себе отечественные и мировые традиции. Это была преданность научной истине и нравственной справедливости. Готовность ради них подвергаться неприятностям и идти на риск. Это были глубокое почтение к фактам и обостренное чувство того, что он именовав первобытной культурой. Это был отточенный, красивый и выразительный русский язык, и устный и в особенности письменный. Он в совершенстве владел инструментом, без которого нет и не может быть научного творчества, – ясным и

точным изложением мысли. Он любил повторять: “моя мысль живет на кончике пера”. И даже его почерк – изящный, четкий и простой – подтверждал эти слова.

Он гордился тем, что одним из первых в мировой науке обосновал гипотезу о происхождении аборигенов Австралии и Тасмании от единого потока переселенцев, гипотезу, которая в настоящее время преобладает в австраловедении. Реконструируя происхождение и раннюю историю коренных австралийцев и тасманийцев, он одним из первых в советской этнографии применил комплексный междисциплинарный метод: использование данных различных наук в их органическом взаимодействии и взаимоконтроле. Он опирался на новейшие достижения в физической антропологии и генетике, в археологии и лингвистике, в геологии и палеогеографии. Анализировал и сопоставлял их, стремился к тому, чтобы данные разных дисциплин не противоречили друг другу, но выстраивались в стройную картину истории изучаемых народов и их культур.

Он гордился своим участием в громких дискуссиях об общинной и родовой организации первобытных культур, о возможностях, путях и средствах первобытно-исторических реконструкций. Обвиняемый советскими коллегами в возрождении идеологически чуждого прамонотеизма, он упорно искал и находил этнографические доказательства широкого распространения первобытной веры в единое верховное божество. Словом, он неустанным изучением и обнаружением этнографических реалий настойчиво пробивал брешь в твердой броне официальной первобытно-исторической догматики советской эпохи.

Он вместе с Ю. Брегелем публично разоблачил (в 1964 г.) С. Хмельницкого, сотрудничавшего с КГБ и писавшего доносы на своих друзей. В советское время такие разоблачения случались нечасто. Он не боялся поднимать голос в защиту диссидентов и желающих эмигрировать из страны на идеологических собраниях, призванных осудить и заклеить этих людей.

Он обладал тонким, хотя и мрачноватым, чувством юмора, он умел искренне веселиться и живо, нежно сочувствовать ближним.

По словам Е.В. Говор, Владимир Рафаилович умер ранним утром, у открытого окна, в которое был виден рассвет над озером. Смерть была быстрой и легкой, просто в какой-то момент он перестал дышать, и в этот момент на кресло перед окном прилетела крохотная птичка – и исчезла.

Вспоминаются его слова, обращенные к сыну: “Человеку не победить ни времени, ни смерти. Но он способен – в лучшие, наиболее гармоничные мгновения своей жизни – ощутить Высшую силу, – ощутить ее в себе, в своей судьбе. И этого, быть может, достаточно”.

Мы глубоко соболезнуем семье – вдове, дочери, сыну, внукам – Владимира Рафаиловича и будем чтить его память.

О.Ю. Артемова